

Алена Яворская

«Я спутник послушный двух разных планет...»

Неизвестные одесские страницы биографии Марка Тарловского

Марк Тарловский – один из знаменитой плеяды одесских юго-западных но, как пророчески написал он сам:

В сто звезд, учтенных книжными людьми,
Над юго-западом горит плеяда,
Для невооруженного же взгляда
Их, как всегда, не более семи.*

Поэт, который мог бы стать одним из лучших, если бы судьба его не была такой горькой и удивительно несправедливой. Сегодня имя его известно немногим. Тарловского называли «виртуозом рифмы», он как никто из современников знал и чувствовал русскую поэзию восемнадцатого века, писал блистательные стилизации. Он легко мог с любой строки продолжить стихи Овидия (немало поразив этим, по воспоминаниям Липкина, Бухарина: «Хорошо, что молодые наши поэты знают Овидия в оригинале»).

Казалось бы – не арестовали ни в тридцатые, ни в сороковые, переводы печатают – уже счастье, живи и радуйся. Но для поэта, стихи которого не печатали, прорабатывали во все времена, начиная еще с рапповских, упрекали во всех смертных грехах, просто жить – все же мало. Он, с успехом окончивший отделение литературы и языка факультета общественных наук Московского университета, был вынужден зарабатывать на жизнь, переводя (вернее, сочиняя) стихи Джамбула. После публикации отрыв-

* Тарловский М. Молчаливый полет: Стихотворения, поэма. / Сост. Е. Витковский, В. Резвый. – М. 2009. С. 527.

ков из стихотворных мемуаров «Веселый странник», посвященной его другу и наставнику Э. Багрицкому, Тарловского обвинили в неуважении к памяти Багрицкого.

В травле оппоненты доходили до вершин абсурда. Так, в названии книги стихов «Бумеранг» Алексей Сурков усмотрел зашифрованные инициалы Николая Гумилева, назвав вслух так же зашифровано «намек на инициалы одиозного поэта»*.

Как и полагалось в те времена, Тарловский вынужден был каяться и признавать ошибки, порой, по собственному признанию, заходя «в своей самокритике дальше, чем это достойно писателя, твердо стоящего на платформе советской власти»**.

Но после выхода третьей книги стихов он понял, что надежды на издание книги, не искореженной цензурой или не написанной с оглядкой на цензуру, нет.

И стал писать, как и многие, «в стол», переключившись на переводы. Он был учеником Шенгели. «К Георгию Шенгели постучался подростково-хрупкий двадцатилетний студент Марк Тарловский. Он переступил порог со словами: «Бей, но выучи!»***. Учитель упомянул ученика в шуточной балладе о переводчиках «Замок Альманах», написанной в тридцатые годы, когда многие поэты были вынуждены кормиться переводами, и, увы, далеко не всегда с французского или немецкого.

Тарловский переводил не с подстрочника, а с оригинала. Он знал французский, немецкий, польский, узбекский, казахский. Одинаково легко сплетались под его рукой и арабская вязь, и готический шрифт, соседствовали Гейне и Навои, Гюго и Махтумкули.

Но все же выживал он, в основном, за счет иных поэтов. В архиве сохранилась папка, иронически названная «Полупереводы». Что же еще сказать...

История не знает сослагательного наклонения. Проживи Тарловский на несколько лет дольше... Он не мог сказать, как Иван Бунин: «Людоеда переживу». Просто упал на залитой жарким

* Там же, с. 572.

** Там же, с. 574.

*** Перельмутер В. Торжественная песнь скворца, ода, ставшая сатирой. / Вопросы литературы. 2003. № 6.

солнцем московской улице в 1952 году – подвело сердце. К нему никто не подошел...

На долгие годы имя Тарловского было забыто. Но что же связывает его с Одессой? Сюда семья переехала в 1912 году. Юношей Тарловский был членом «Коллектива поэтов», дружил с Багрицким, Катаевым, Ильфом, Олешей, Фазини, Кирсановым.

Биография Тарловского известна, о поэте писали и Евгений Витковский, один из составителей книги стихов «Молчаливый полет»****, и Вадим Перельмутер. Оба они упоминают о раннем творчестве (Тарловский начал писать стихи в восемь лет), но отмечают, что первые опыты были уничтожены автором и не публиковались.

Но, как оказалось, и это утверждение, и указанную в справочниках дату первой публикации можно уточнить.

В 1918, при австрийцах, в Одессе выходит журнал «Жизнь». В первом же номере, вышедшем в июне, сообщается о конкурсе поэтов. Текст объявления заслуживает того, чтобы быть полностью приведенным:

«Рыцарская эпоха – турниры – соревнования силы, ловкости, мужества спортивных доблестей. Но она знала и иные споры за первенство – состязания певцов.

Эту традицию Средневековья приняла новая Европа. В центре ее идейных и художественных интересов в «светоносном» Париже прочно утвердился обычай избрания короля поэтов. Голосованием поэтической братии были возведены в этот почетный сан в свое время Поль Верлен, в наши дни Поль Фор. Старинная идея состязания мейстерзингеров, отливаясь в новую форму, сохраняла всю свою жизненную ценность качественной дифференциации наличных художественных сил.

В России этот прекрасный обычай почему-то не привился. А между тем едва ли у нас замечается недостаток в поэтах или среди них отсутствие певцов, достойных лаврового венка. Не следовало бы и нам обратиться к тому старинному литературному обычаю, который сыграл на Западе крупную роль в развитии поэтической культуры?

**** Тарловский М. Молчаливый полет: Стихотворения, поэма. / Сост. Е. Витковский, В. Резвый. – М. 2009.

В наши дни Юг России, стремясь сохранить всю свою органическую связь с «милым севером», проявляет все же в силу процесса децентрализации русской жизни во всех ее областях некоторое повышение деятельности и в сфере поэтической. Кружки поэтов, вечера новой лирики, лекции о современной поэзии, комбинированные выступления докладчиков и декламаторов, стихотворные сборники – все это свидетельствует о несомненном ускорении поэтического пульса. При наличии подобных симптомов невольно возникает потребность отдать себе отчет в характере, силах и качествах наших наличных поэтических сил.

Лучший путь к этому – конкурс поэтов. Редакция журнала «Жизнь» приглашает нашу южную поэтическую семью объединиться вокруг одной темы и проявить в свободном творческом соревновании все разнообразие своих сил и средств.

Не желая затруднять этой художественной задачи слишком стеснительными правилами, мы устанавливаем лишь минимум условия для поэтического конкурса, представляя в этих обширных границах проявляться личной инициативе и творческой фантазии авторов с полной свободой и независимостью.

Тема, которой в наши дни суждено, несомненно, объединять поэтическое большинство, относится, думается нам, к духовному бытию нашей перерождающейся родины. Мы называем эту тему «Душа России».

Вкусы, склонности, темпераменты и воззрения поэтов подскажут им разнообразнейшие пути к разработке этой темы. Личное чувство родины, любовь к ее пейзажам и культуре, к ее народу и истории, природа и зодчество, герои и святые, предания и факты, легенды и жития, и, наконец, безбрежная область личных впечатлений о степях и лесах, о Волге и Неве, о Кремле, Адмиралтейской игле, петербургских сфинксах и Владимирском соборе – все это может послужить основным мотивом для разработки предложенной темы.

Нам нечего тревожить тени наших великих поэтов для указания образцов. У всякого на памяти соответствующие строки Пушкина, Тютчева, Лермонтова, Некрасова, Фета, Влад. Соловьева. А из наших современников кто не знает наизусть чудесного балломонтовского:

Есть в русской природе усталая нежность...

Кто не помнит аналогичных стрóf Бунина, Гумилева, Ахматовой? Если кому-нибудь понадобятся образцы, он найдет их в изoбии у каждого из своих любимых поэтов.

Условия конкурса свoдятся к следующим положениям:

Тема: Душа России.

Количественный размер: не более 32 строк (допускается и короче).

Размер стиха (метр) – всецело на смотреии автора.

Белые стихи не принимаются (обязательно рифмованные).

Стихотворения, где-либо напечатанные, к конкурсу не принимаются.

Стихи могут представляться за псевдонимами или подлинными подписями, но с обязательным указанием авторского адреса.

Срок представления стихов до 2 июля нов. стиля по адресу: редакция журнала «Жизнь» на конкурс поэтов.

Авторы трех лучших стихотворений будут награждены премиями в 75, 50 и 25 рублей. Из остальных стихотворений лучшие будут напечатаны в еженедельнике «Жизнь».

Жюри конкурса состоит из 4 лиц: А.М. Федорова, С.С. Юшкевича, В.С. Ткачева и Л.П. Гроссмана.

О результатах конкурса будет помещен подробный отчет в еженедельнике «Жизнь» не позже 20 июля нов. ст.*

Но одесские поэты поразительно быстро, судя по следующей информации о конкурсе, отреагировавшие на призыв, желали внести свои коррективы в условия. Через номер жюри вновь публикует правила и уточняет:

«Дополняем правила о конкурсе поэтов следующим параграфом:

Авторы, не желающие чтобы стихи их в случае неполучения ими премии были напечатаны в журнале «Жизнь», благоволят делать об этом соответствующую отметку в присылаемых рукописях.

Примечание. Жюри конкурса не считает возможным считаться с оговорками и условиями, выставляемыми отдельными авторами для своих произведений. Все участники конкурса одинаково

* Жизнь. 1918, июнь. № 1. С. 14-15.

во подчиняются общим правилам, опубликованным в № 1 журнала «Жизнь».*

Впрочем, публикация не только ставит на место «отдельных авторов», но и сдвигает сроки: «Ввиду интереса, проявленного к конкурсу иногородними авторами, первоначальный срок представления рукописей будет продлен нами до 2 августа. Результаты конкурса будут опубликованы нами не позже 20 августа».

Жизнь (и война) вносят свои уточнения в сроки. Результаты появятся лишь в декабре. Символично, что конкурс и журнал существовали семь месяцев – правила опубликованы в первом, июньском номере журнала, а итоги – в последнем, декабрьском.

«Объявленный в июле конкурс поэтов не мог состояться в назначенный срок ввиду продолжительной болезни одного члена жюри и отсутствия в Одессе другого. Это обстоятельство и принудило редакцию «Жизни» отложить объявление результатов конкурса до настоящего времени.

Прислало свои стихи на конкурс сто поэтов, из них премии получили: первую премию Л. Файнберг, вторую Вл. ф-Дитрихштейн и третью Ал. Карамазов. Признаны подлежащими напечатанию, но не соответствующими условиям конкурса стихотворения след. авторов: Е. Вилинской, М. Тарловского, Е.И. Гуслера, Гр. Двоскина, Вас. Рунина, Д. Алексеева и П. Вересова.**

Члены жюри были значимыми фигурами в культурной жизни города, что должно было бы придать вес и солидность идее турнира. Несмотря на это (если судить по именам победителей), более-менее известные молодые поэты участия не принимали – ни тот же Валентин Катаев, регулярно публиковавшийся на страницах «Жизни», ни Анатолий Гамма, ни братья Долиновы, ни даже вездесущий Борис Бобович.

Исключение – занявший второе место Владимир фон Дитрихштейн (Дитерихс), приятель Валентна Катаева, тоже постоянный автор «Жизни», фигура известная, описанная Катаевым в «Траве забвения».

Победитель Лев Файнберг (он же Леонид Амарант) публиковался в столичных изданиях.

* Жизнь. 1918, июнь. № 1. С. 15.

** Жизнь. 1918, декабрь. № 28. С. 14.

Судя по тому, что стихи, «подлежащие напечатанию», были пронумерованы и шли не в алфавитном порядке, Тарловский занял пятое место. В этих стихах шестнадцатилетнего подростка, в первой его публикации видна та увлеченность древнерусской литературой, которая продолжится позднее в Москве – недаром темой его научных студий стало «Слово о полку Игореве».

М. Тарловский

Скатился диск окровавленный,
Скончался день. Равнина спит.
Лучами солнца опаленный,
Ковыль о чем-то шелестит.

В конце равнины клубы дыма
И пламень яркого костра.
В багряном свете недвижимо
Лежит могучая гора.

То богатырь. Он мертв. Он длани
По обе стороны простер.
Спит тяжким сном на поле брани
Дитя равнины, Святогор.

На шлеме ворон восседает,
Клюет закрытые глаза.
На стали зарево пылает:
Уходит дым под небеса.

Печально ржа, по полю ходит
Богатыря могучий конь.
Все крепко спит и мгла нисходит,
И гаснет медленно огонь.

Потух костер печальной тризны;
Скрыл мрак равнинные стези...

Спи с миром, мощь моей отчизны,
Любимой матушки Руси!*

О работе Тарловского в особой Одесской губернской комиссии по снабжению Красной Армии продовольствием (Опродкомгубе), казалось бы, известно. Но личное дело, сохранившееся в фонде Опродкомгуба в ГАОО**, позволяет не только уточнить данные, но и проследить за служебными перемещениями поэта. В анкете указана дата заполнения – «13 февраля 1920». То есть в Опродкомгубе Тарловский появляется на два дня раньше Константина Паустовского, вдохновенно описавшего в повести «Время больших ожиданий» свое участие в создании информационного отдела. В графе «1. Название учреждения, куда желаете поступить» вначале Тарловский указывает «информационный подотдел организационного отдела», затем исправляет на «мясной подотдел». Должность хочет занять скромную – регистратора. Из ответов на вопросы анкеты «[3. Имя, отчество, фамилия] Марк Аркадьевич Тарловский, [4. Возраст] 18 лет, [5. Семейное положение] единственный сын, [6. Национальность] еврей, [7. Образование] среднее, [8. Род занятий] журналист, [9. Имущественное положение...] ни движимого, ни недвижимого имущества не имею, [10. Служили ли в старой армии и в каком чине] не служил, [11. Служили ли в Красной Армии... и есть ли свидетельство об увольнении] не служил, [12. Где вы жили, работали или служили а) до войны 1914, б) на 1 января 1917, в) на 1 января 1918, г) на 1 августа 1918 (во время гетманщины), д) на 5 апреля 1918 (при советской власти), е) на 1 января 1918 (при деникинцах)] жил в Одессе на Софиевской улице № 28 и № 9 кв. 58, учился в гимназии»***.

Неожиданное, ранее неизвестное дополнение к биографии «[13. Служили ли в советских учреждениях, в качестве кого и почему уволены] служил летом 1919 в бумажно-полиграфическом отделе Совнархоза в качестве счетовода. Уволен при сокращении штатов»****.

* Там же, с. 14

** ГАОО, Р-1263, оп. 2, д. 4872.

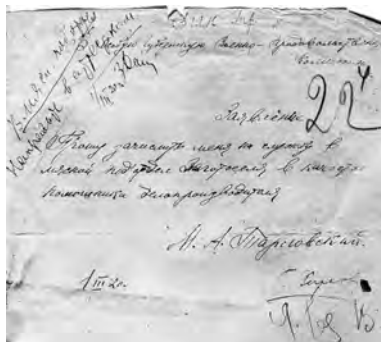
*** Там же, л. 8.

**** Там же, л. 8 об.

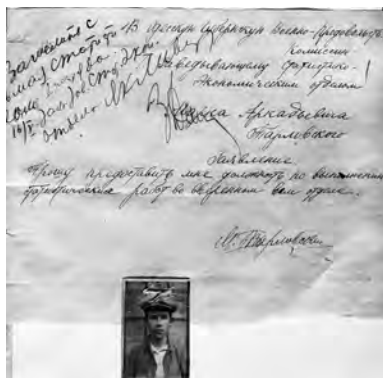
Вопросов в анкете, конечно, было не 120, как писал К. Паустовский, а всего 25, но все они направлены на тщательное выяснение, чем именно занимался гражданин, желающий попасть на службу в советское учреждение, до революции и во время гражданской войны. «[14. Состояли ли на службе в полиции, жандармерии, державной варте или государственной страже] не состоял, [15. Если нигде не служили, то чем занимались в указанные периоды] учился в гимназии, [16. За уголовное преступление, участие в политической работе] не преследовался, [17. Состоял ли членом профсоюза] не состою и не состоял, [18. Состоял ли членом политической или общественной организации] не состою и не состоял, [19. Если вы коммунист, то какой организации] к политической партии не принадлежу, [21. Положение семьи, чем занимаются родные] отец служит в типографии, [24. Время заполнения анкеты] февраля 13 1920, [25. Облагались ли контрибуцией, где, когда и какой категории а) при сов. власти, б) при денikinской]] контрибуцией не облагался»****.

Под списком из двадцати пяти вопросов строгое предупреждение: «За показание неправильных сведений сотрудник будет привлекаться к строжайшей ответственности как за намерение проникнуть в советское учреждение с злыми намерениями».

**** Там же, л. 8 об.

Заявление М. Тарловского о приеме на работу в мясной подотдел. 1920 г.

Заявление М. Тарловского о приеме на работу в статистико-экономический отдел

Удостоверение сотрудника статистико-экономического отдела М. Тарловского

Заявление «прошу зачислить меня на службу в мясной подотдел в качестве помощника делопроизводителя» датировано 1 марта 1920*. Но зачислен он лишь с третьего раза, в статистико-экономический отдел. На заявлении заведующему: «Прошу предоставить мне должность по выполнению статистических работ во вверенном вам отделе» резолюция «зачислить с 16 мая статистиком 1 разряда**».

К этому заявлению прилагается фотография.

В деле хранится и ученический билет учащегося седьмого класса мужской гимназии Н.Ф. Черткова, выданный 24 сентября 1918,*** и удостоверение сотрудника Опродкомгуба № 5113а от 14 июня 1920, гласящее, что Тарловский «пользуется правами и преимуществами военнослужащего»****.

Второе удостоверение, с фотографией и сургучной печатью, также датировано 14 июня. И еще один документ – временное свидетельство № 410, «настоящим удостоверяется, что предья-

* Там же, л. 4.

** Там же, л. 1.

*** Там же, л. 2.

**** Там же, л. 6.

витель сего гражданин Тарловский Марк Аркадьевич проходит курс допризывной подготовки в 1 Ротучастке Одесского полкорпуса и что его личная учетная карточка, выданная Одесским горвоенкомиссариатом за № 606696 отобрана, взамен чего и выдается настоящее временное свидетельство. 1920 года ноября месяца 19 дня»****. Заверено оно 4 декабря 1920.

М. Тарловский. Одесса. 1920 г.

В мемуарах одесситов Тарловский практически не упоминается. Сам он написал воспоминания лишь о Багрицком – и в сборнике 1936 года, прозой (кстати, упоминая, что Багрицкий заходил к нему домой, на

Софиевскую), и в неопубликованной при жизни поэме «Веселый странник», где описаны кроме Багрицкого многие из «ста звезд плеяды»: Катаев, Ильф, Петров, Олеша, Славин, Бабель, Соколовский, Нарбут и Шенгели, художники Фазини и Мифа (братья Ильфа), Соколик, жуликоватый Митя Ширмахер и кафе поэтов «Пеон 4», работа в ЮгРОСТА. В комментариях к поэме Тарловский приводит свой список звезд, правда, их все же меньше ста.

В письме, написанном в августе 1923 одним из списка (Семеном Кирсановым) другому (Григорию Владимирскому (Фишману)), сообщается о судьбе поэтов. Среди прочего упоминается «Тарловский в Москве».

Отъезд свой Тарловский описал в стихотворении «Этот путь», вошедшем в его первую книгу стихов «Иронический сад»:

На юге, на юге,
В Одессе блатной

**** Там же, л. 5.

Остались подруги,
Забытые мной.

Остались туманы,
Мальчишеский бред
И сон безымянный
Невиданных лет...

<...>

Хрипела простуда
И плакал вокзал,
И голод оттуда
Мне путь указал.

Я ехал из дома
И бредил Москвой,
Где путь молодому
Окупят с лихвой.

Здесь же – такие грустно-пророческие строки:

Но сделано дело:
Смыкается круг –
Москва надоела
И тянет на юг...

<...>

Я спутник послушный
Двух разных планет –
Я северо-южный,
И родины нет...*

* Тарловский М. Молчаливый полет... С. 19-21.